

Министерство культуры Самарской области,
Самарская областная универсальная научная библиотека
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Евгений Чепурных

АРИТМИЯ

Русское эхо
2021

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Ч 44

Чепурных Е.П.

Ч 44 Аритмия: стихи. — Самара: Творческое объединение «Русское эхо», 2021. — 160 с.

ISBN 978-5-9938-0047-9

Это двенадцатая книга одного из лучших современных поэтов России, в которую вошли стихотворения, опубликованные в последние годы в литературном журнале «Русское эхо».

ISBN 978-5-9938-0047-9

© Чепурных Е.П., 2021

© Русское эхо, 2021

ПРЕДРОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧЛЕПИТНЕ В ГОСТЯХ

хоспис пахнет жаркой молитвою
и утреннею уборкою,
и принесённой малиною,
и (в полноздри) хлоркою.

аккуратные нянечки мечутся,
а их на бегу останавливают...
тут почти уже и не лечатся
(но... некоторые выздоравливают).

а у ёлочки здешней неуверенное сияние,
будто каждый шарик на ней улыбаться учится...
а приходят сюда исключительно по желанию,
а уходят... у кого как получится...

БЕСКОНЕЧНО-СНЕЖНОЕ ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

за пазуху
тоже слетают снежинки,
смешинка к смешинке,
грустинка к грустинке.

сначала я думал,
что их там с десятков —
смешливых и грустных
небесных ребяток:

пригрелись, как мошки,
в груди, посере́дке,
и гибнут
от желчи и выпитой водки.

усталость ли, вздох ли,
нервишек ли вспышка,
подрался, поплакал,
а им уже крышка...

а нонече понял:
они там не тают,
они там растут
и вполне прорастают...

и скоро я сам
вопрошу наяву:
они ли во мне
или я в них живу.

а снег всё курчавит
слепые окошки.
а снег осыпается
с плеч на куртёшки.

и я с ним взрываю
на вольной волне.
и нету конца
ни ему и ни мне...

ЗЕМЛЯ

Весельчак-горемыка
слёз в жилетку не лил.
Добродушный заика
и немного debil.

Прикасался к иконе,
но до старости лет
так, видать, и не понял,
грешный он али нет...

Словно птичка (без перьев),
веял сном золотым.
Он и в Бога не верил,
просто жил рядом с Ним.

Запозднное напутствие доченьке

Не верь тому, кто каркает,
и кто со смехом молится.
Тому, кто рук не пачкает,
но слишком долго моется.

Не верь стишатам матерным
и пастырям пугающим.
И взглядам,
не внимательным,
а как бы покупающим...

Не цепеней от ужаса
перед тропой непройденной.
И не считай замужество
своей последней Родиной...

ЛАСКОВОЕ

давным-давно
у меня были варежки
толстые и тёплые как две коровы
они лизали языком мои пионерские пальчики
и сами же тихонько мычали от удовольствия
только мама и верила
му! — говорила левая корова
и позёмка трусливо убегала куда-то за околицу
в полынную степь
му! — говорила правая корова
и осторожный снегирь садился мне прямо
на валенок
только мама и видела
в мире
где почти не осталось
снегирей с огненными пятнышками
и добрых мычалок
му! — говорю я сейчас
когда холод ползёт внутрь по красному
беспокойному горлу
и он трусливо пятится и кашляет кашляет
кашляет
только мама и слышит

ТЯЖЕСТЬ. РЕМЕЙК

За нежности тяжесть и скрытность прости.
Мы в разных воспитаны школах.
Я проще и старше, чем думала ты,
на тысячу мыслей тяжёлых.

На тысячу хлопьев из чёрной дыры,
на тысячу бесов во храме,
на тысячу жизней, прожитых внутри
пред тем, как мы стукнулись лбами.

Дороги закрыты от аз и до ять,
хоть сердце грустит безоружно.

Вот видишь, как просто друг друга понять,
когда это больше не нужно...

ВЕСОМОЕ

Покамест цветут анемоны
и чахнет над золотом Кощей,
и сталкер таскает из Зоны
гирлянду чудесных вещей.

Покамест в последнем вагоне
макака грызёт шоколад
и змеи гнездятся в смартфоне,
и весело в ухо шипят.

Пока с независимым видом
уж десять минут напролёт
хорошая девочка Лида
очкарика Шурика ждёт...

И крестится старая мама,
листая семейный альбом...
И чаша добра на полграмма
весомей цистерны со злом...

НЕРАВНОВЕСИЕ

Вот такая пыльца и парша,
вот такое железо предела:
хочет тело мечтать, как душа,
а мечтает (собака), как тело.

Дождик бьётся о стёкла авто.
В небе — грохот, развал и реформы.
Может, тело попало не то
иль душа возмечтала сверх нормы?

Да и вряд ли (господь упаси!),
где прописана глупая норма
(наши люди не ездят в такси
и не смотрят буржуйское порно).

Просто спорят, как с летом зима,
не чураясь молитв и кощунства,
золотая палата ума
с полурванной палаткой безумства.

Одиноко, как странник, войдёшь
и поймёшь, что душа не излита.
А иначе зачем этот дождь,
эта ересь
и эта молитва?..

Восхищенное

...и приплывает под утро
небо с рублёвских икон.
осени хрупкая утварь
звякает первым ледком.

словно и дышишь по-птичьи,
в птичий вступив переклик
паузой косноязычья,
переходящей во всхлип...

ТИШЕ, ТИШЕ... ФОЛЬКЛОРНОЕ

Через синюю темень вод,
через годы и грусть-тоску
золотая рыбка плывёт
к невезучему старику.

Не шуми ты, во поле рожь,
не шторми, Окиян-река.
А не то, не дай бог, вспугнёшь
али рыбку, аль старика.

Пусть расстелется лунный сад
между морем и стариком.
Пусть хоть раз с ним поговорят
человеческим языком...

ПИАНО. БЕЛЫЕ КЛАВИШИ

Уже не очень хочется чудес,
лишь пятна чая сохнут на тетрадке,
и горстка мыслей — как крещенский лес,
застыла в красоте и беспорядке.

Плывут и корабли, и города
куда-то вверх, в божественное пламя.
И твердь небес всё более тверда
под медленными робкими шагами.

Былина, былинки...

былины поются почти как молитвы —
легко и степенно,
и чуть покаянно.
как будто цвета немудрёной палитры
сплетает в венок сирота-несмеяна.

лесные ромашки пестрят на елани,
степная трава розовеет на склоне.
и как не сорвать голосок несмеяне,
пока в её песню врываются кони
и волосы треплет
сторукая воля
немытой, порывистой, дикой волною...

и нужно былинку пройти, словно поле,
с глазами без страха
и гордой спиною...

к родимому дому открыта калитка,
кольцо обручальное ждёт, словно счастье.
былина допета,
но длится молитва

и рвётся,
как ветер,
к Христову запястью...

Баллада о самой первой дороге

На компасе четыре стороны,
а у души лишь две — земля и небо.
Кто не согласен — скатертью дорога,
и ты увидишь, что она одна,
родимая (дотуда и дотуда).
По ней шагал Христос, шагал Иуда
и цезари, и ключники, и рвань
базарная из пьяниц многогрешных,
и самая отъявленная дрянь
под звёздами погон энкаведэшных.
И умершие детки тихо шли,
жуя святую манну вместо хлеба,
не зная, что от матушки Земли
они уже прошли четыре неба.

И всех, кто шёл, дорога приняла,
и каждого в полсердца поняла,
ни от кого ни капли не взяла
добра и худа.
И грешникам в пути ступни не жгла,
и для святых цветами не цвела,
но длилась, провожая, как могла
(отсель... дотуда...)

Крёстные

Крёстный мой, выпивоха и ёрник,
так же истово любит Христа,
белый снег разгребает, как дворник,
баньку топит и кормит кота.

Так же в пиво усищи макает,
и к объятьям, и к драке готов.
Есть на небе пивная такая
для неправильных крёстных отцов.

Где услышишь и песню, и шутку.
Где теснятся столы в три ряда.
Говорят, сам Христос на минутку
по субботам заходит сюда.

Тронет взглядом мужичье собрание,
будто пастырь, вошедший в тюрьму,
и взгрустнёт
по родным иорданиям...
Хоть, казалось, с чего бы Ему...

ПРЕКРАСНАЯ СУТЬ ПИТИЯ

В воду не лезу, не ведая броду.
И, памятуя беспечность свою,
дую на воду, дую на воду
и обжигаюсь,
и всё-таки пью.

Дышит сентябрь тишиной и доверьем,
и мошкara серебрится в луче.
И облаков страусиные перья
пишут стишок у меня на плече.

День полоскает их в речке, как прачка.
Был тебе страус,
а стал тебе гусь.
Господи, нам бы молчать о болячках
(и обжигаюсь, и пью, и смеюсь).

И разлетаются с треском печати
с детских конвертов и тайн бытия.
А из уроненной капельки счастья
мальчик рождается,
такой же как я...

НЕУМЕХА

заплаканность тяжёлых хлопьев снега
и ломкость рук, обнявших глубину.
тот не молился, кто не падал с неба,
и кто не шёл беспомощно ко дну.
и лишь одна молитва, может быть,
сильней — того, кто сохнет и хиреет...
кто хочет, но не может разлюбить...

а водку пить в три горла не умеет...

ПОЛНОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

О, Господи, да что же за чума:
не пишется, не естся и не пьётся,
и доченька три дня уж не смеётся,
и кошки не едят свои корма.

Душа гуляет где-то в облаках,
как девочка сугубо молодая
(а я всегда бываю не в духах,
когда она без спросу пропадает).

О, Господи, да что же за бардак:
и ломит спину, и болит коленка.
Опять свалился с полки Пастернак
(не выдержав соседства с Евтушенко).

И женщина,
желанная до слёз,
закутавшись в туман непроходимый,
опять стоит над речкой,
как утёс,

таинственный, сомнительный, любимый...

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Словно себя из себя извлекаю.
Тише! Давай ничего не вспугнём.
Я возникаю,
я возникаю
паузой в певческом горле твоём.

Только звучанье своё не закончи.
Вздых (иль полвздоха) — и рвётся покров.
Ты возникаешь,
как дух-колокольчик
в затхлых объёмах моих закутков.

Сколько же Бог дал нам глупости доброй,
смеха в глазах и часов задарма,
чтобы глядеть друг на друга так долго
и не сойти в этом счастье с ума...

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Колонны солнечного зала
античны, радостны, стройны.
Вся жизнь — лишь предвкушение бала
и возвращения с войны.

Всю жизнь с мороженым стаканчик
несу тебе сквозь вальс-вальсок.
Но этот бал,
как одуванчик,
вдруг исчезает из-под ног.

И разлетаются безгласно
его снежинки-семена.
И почему-то сразу ясно,
что не закончилась война.

Она равняет с захолустьем
небесный град и отчий дом.
И кто же нас с войны отпустит
(пока без спросу не уйдём)...

Вопрошающее

Всё важнее вопросы-колечки
вьются дымом над трубкой пустой:
не мешаю ли я этой речке,
этой иве над синей водой?

Словно заново в утреннем свете
тают мысли, как сучья в костре.
Не мешаю ли я этим детям,
голубям и щенкам во дворе?

Не мешаю ль старушке убогой
подметать по сусекам (до дыр!)?
Не мешаю ли Господу Богу
обновлять этот старенький мир?

А из зеркала смотрит подросток,
староват, мрачноват, нелюдим.
Для которого много вопросов
наконец-то сомкнулись в один...

УТЕШИТЕЛЬНОЕ

Нет в жизни детей
худородных.
Поэтому в царстве Христа
и Белая речка угодна,
и Чёрная речка чиста.
В бомжатнике или в богеме,
в озёрцах возлюбленных глаз —
в одной исполинской поэме
всегда есть местечко для нас.
В одном исполинском погосте
смешались, землю согрев,
И Миши Анищенко кости,
и косточки Тютчева ЭФ,
бездельных паломников, иже
известных на рубль или грош.
И кто из них Господу ближе —
без двух стаканó в не поймёшь.
Под куполом солнечно-ясным
не всякая доля видна.

Но Белая речка — прекрасна,
а Чёрная... просто нужна...

Умный мальчик

Как вдохновенно и сурово,
вникая в каждую строку,
соседский сын большеголовый
читает «Слово о полку»!
То змейкой речь его струится,
то жилкой красною течёт.
Он запинается и злится,
и плачет, и почти поёт.
Его глаза швыряют наземь,
горят огнём, зовут на суд.
Он не прощает горе-князя
за то, что в «Слове» наших бьют.
За нерасчётливые планы,
неравный бой, стрелу в бок.
За слёзы милой Ярославны
по храбрецу и дураку.
И гости выпившие млеют
(но не теряют аппетит).

Он не прощает... но жалеет...
Он дочитает и простит.

Я назову тебя Кузьмой

я назову тебя Кузьмой,
запеленаю, поцелую
и вместе с матушкой Зимой
тебе на темечко подую.
румянец тронет нежность щёк.
мой неродившийся ребёнок,
ты станешь лёгким, как снежок,
и синеглазым, как котёнок.
в твои огромные глаза
вплывут и рыбы, и зверюшки.
и все на свете чудеса
привыкнут спать в твоей подушке.
зелёный говор вешних вод
споётся со сверчком запечным.
так будет лет через пятьсот
и через тысячу, и вечно.

Шагомер

Вот так и рвёшь себя на части,
дымясь и ссорясь.
Когда полжизни ищешь счастье,
а после — совесть.

Прёшь на рожон, зубришь молитву,
срываешь сроки.
И засыпаешь, тихо всхлипнув,
на полдороге...

БАЛЛАДА О БОГАТЫРСКОЙ ФЛЯЖКЕ

— Налево попрёшься, в мужья попадёшь.
Направо поедешь — лошадку пропёшь.
А прямо, Добрынюшка, чёрт знает что,
оттуда ишо не вернулся никто.
Подумал Добрынюшка: «Экая жуть...»
Из фляжки хлебнул
(и коню дал хлебнуть).
Себя почесал
и коня почесал,
и в общем-то храбро вперёд почесал...

...он встретил Кощея у старого пня,
отбил у злодея жену и коня.
Промолвил мечтательно: «Вот она, суть...»
Из фляжки хлебнул
(и жене дал хлебнуть)...

И вдруг покачнулся, как в поле сосна.
Пропали лошадки, Кощей и жена.
Лишь камень во поле мозолит глаза
да щиплет ромашку чужая коза...

Промолвил Добрынюшка: «Вот она, Русь...
Сто лет за неё я с кощеями бьюсь.
А где же победа?
Хоть чёрта спроси!
Знать, много кощеев ещё на Руси...

И неча мне зряшно бродить по земле,
пойду на заставу проситься к Илье...»

И принял Илюша дружка своего.
Сказал: «Не грусти, казачок, ничего...
Пройдут миражи, и развеется жуть...»

Из фляжки хлебнул
и ему дал хлебнуть...

Сущность

моя стыдливость
выкопала норку
и скрылась в ней, как дурочка в чулане,
от важных стариков и сопляков.
шепнула: «не наглей. тут не пивная,
а праздничный фуршет литературный
с участием бардов и духовных лиц».
«не бзди, — ответил я — вали отсюда.
я хоть напьюсь под песни Окуджавы
и батюшку молодого поцелую,
как блудный сын, годящийся в отцы.
и два стишка бессвязных прочитаю,
о проститутке и коровке божьей,
так горячо жалея их обеих,
но путая местами, кто есть кто...»

а после буду кашлять, как бомжара,
и чайник кипятить протухшим утром,
держа во рту таблетку валидола
и думая: «уж лучше бы подох...»

и серой мышкой
вылезет из норки

обиженная,
тихая,
родная,
наполовину ангельская сущность,
и бдящая,
и спящая
во мне...

Глядим смущённо друг на друга.
Как будто нас (чтоб сбавить пыл)
Господь в один поставил угол
и целоваться запретил.

Мир отвернулся в одночасье,
ударил дождик по стеклу.
Так вот оно какое — счастье... —

вдвоём с тобой...
в одном углу...

Есть что-то удивительно медвежье
в угрюмом дне, где сгорбленное небо
встаёт, как зверь, на все четыре лапы
и катится ворчливо по земле.
Ворчат цыганки, дворники, шофёры,
мутанты-джинны в медных керосинках,
собаки, пустобрёхи-кабыздохи
и прочая самарская шпана...
Пока не вспыхнут в лампах леденцовых
вечерние раскрашенные нити
и взбалмошная девочка Мальвина
не выбежит к охрипшему Пьеро.
И ночь свернётся коконом уютным
из тёплой, словно жизнь, медвежьей шерсти,
и, как мамаша, вновь пересчитает
всех голубей на старом чердаке...

УГРЮМЫЙ

Осядет пыльца золотая
на синий предутренний мрак.
И где-нибудь около рая
построят приют для собак.
Пущай там едят и лакают,
гоняют настырных шмелей.
«С собаками в рай не пускают», —
угрюмый сказал иерей.
И мне улыбнулся печально,
кормя несмышлёного пса
(он в этом приюте начальник
и как бы заместо отца).

Ей-Богу

Купель с серебряной водою
омыла розовое тельце,
и Ванька Жуков тихо пискнул,
и стал на ангела похож.

Он полетал, смеясь, по храму
над пришлым клиром, над свечами
(а богоматери Марии
так улыбнулся хорошо).

Он осмотрел щербатый купол
(как будто шапочку примерил)
и тронул пальцем херувима,
и херувим сказал: «Привет».

И мог бы вылететь наружу,
во двор, где ржали жеребята,
да крёстный в синюю пелёнку
медвежьей лапой завернул.

Телега медленно катилась,
и крёстный с крёстной целовались.
А мать кормила Ваньку грудью
и говорила: «Спи... забудь...»

ДО ВСТРЕЧИ НА ЛУГУ

Сова проснувшаяся стонет,
стальных подковок слышен звук.
Опять идут в ночное кони
на Бежин луг,
на Бежин луг.

И стайка мальчиков
из рощи
таскает хворост для огня.
Летящей сойки
тёплый росчерк
подшил к заре страничку дня.

На Бежин луг, на мятный
ветер,
на добрый дух пчелиных сот...
На Бежин луг
телега едет,
и пастушок за ней идёт.

А вслед за ним —
табун из песни
взбивает пыль по кочкам дней,
табун земных,
табун небесных
и даже огненных
коней.

Туда —
за сладкою травой.
Туда,
где в дружеском кругу,
как брат с сестрой,
Покой и Воля
пекут картошку на лугу.

БЕЛАЯ БАЛЛАДА О ПЕРВОЙ СНЕЖИНКЕ

Неграмотная совесть говорила:

— Адам, не думай,
делай всё по-божьи.

О, как противен скрип твоих извилин
(добро ещё, что их у Евы нет)!

Он имена давал
деревьям пышным
и полноводной речке,
и рыбёшкам.

И делался умнее и умнее,
а Ева всё красивей и красивей,
вода прозрачней, а плоды сочнее.

Вот тут их, милых, и попутал Змей...

Он встретил Еву
(как бы ненароком)
у мощного пугающего древа
и сунул в руку шаровидный плод.

— Ешь! — он сказал. —
Останешься довольна,
вчера Адам
трусливо отказался.
Скорми ему сама хоть полкусочка...

И засмеялся
(прям как человек).

Неграмотная совесть прозевала
(красивые всегда хитрее умных).
Адам вздохнул,
под мышкой почесался,
сказал невнятно:
«Токмо счастья ради...»
Ещё раз почесался
и вкусил.

Эдем пылал,
и высыхала речка,
трещали пальмы, плавились бананы.
пескарь премудрый
на горячем иле
отравленное небо ртом хватал.

...они брели по злому бездорожью,
две сироты,
красивая и умный.

И очень крепко за руки держались
(как никогда).

Ах, да!
Шёл первый снег...

ДЕРЕВО ЛЮБИТ...

Дерево любит певучих,
влюбчивых
и бесхитростных,
пахнущих тёплым облаком,
маленьким, как щенок,
даже не очень видимых
(или совсем невидимых), главное —
обозначивших
тонкий свой голосок.
Дерево любит радостных,
быстрых
и неусидчивых,
с пёрышками и лапками,
с ветреной головой.
Спрячь свой жилетик бархатный
(дерево любит ситцевых).
Выбери себе веточку,
сядь на неё
и пой.

ПЕСНЬ ТРАВЫ

Певун-трава не станет сеном,
не замолчит в лугах рожок,
и кровь,
бегущая по венам,
не превратится в порошок.

В певун-траве сплетают косы
своих созвучий и венки
дивноголосые стрекозы
и басовитые жуки.

Она укроет, как платочком,
смятенье мыслей, пальцев дрожь.
И если в ней
проспишь всю ночь,
то утром...
что-нибудь споёшь.

Прихлынет кровь к холодным пальцам,
добавит резвости и сил
(но можно и не просыпаться...
пока Господь не разбудил).

На станции А

Стук колёс. Отвар густой.
Гулкий маятник настенный.
Умирает граф Толстой
от любви несовершенной.

Оттого, что меж людьми
много праздности и шума.
Оттого, что Божий мир
второе хуже, чем он думал.

Почта, баня, телеграф.
Хоть сто лет ещё прибавить,
ничего не может граф
изменить и переставить.

Так же будут на Руси
слушать проповедь вполуха,
жечь дворцы, лежать в грязи
и взлетать к вершинам духа.

Стынет кровь. Стучит состав.
Ищут лежбище медведи.
Нет ли графа, есть ли граф,
всё равно состав проедет.

Тише, станция-вокзал.
Слышишь? Шепчет, чуть стена:
— Я бы Господу сказал...
Я-то понял...
Я-то знаю...

ЗАВТРА

Не впервой
махать руками:
— Свет-Господь, помилуй нас.
Мы не в ту бросали камни,
обознались с пьяных глаз.

Горько плачем на могиле:
— Слышь, Господь,
опять облом.
Мы не ту вчера убили,
завтра точно ту убьём.

И звенит в висках
звоночком
(и не спрятаться в закут):
завтра — точно,
завтра — точно
встанут, выпьют
и убьют...

Видения на холсте

Оконный холст не лист в тетрадке,
он краток, словно бытие.
День вынимается из рамки,
а ночь вставляется в неё.

Ах, это звёздное круженье,
богослуженье и разбой.
Благословенное движенье
незримых рук над головой.

Душа моя, мы, как подранки,
друг к дружке жёмся в холода.
Смерть вынимается из рамки,
а жизнь вставляется туда.

Там наша музыка не спета,
там наш узор не перешить.
Я и нашёл тебя, чтоб это
тебе на ушко сообщить...

Посёлок

Многозвучие крыш черепичных,
под которыми славно живёт
горделивый, румяный, практичный,
бородатый лапландский народ.

Там не плачут от музыки Верди
и не пишут стишки и статьи.
Только помнят о Кае и Герде
да умеют оленей пасти.

Греют их зипуны и треухи,
и менты не свистят им вослед.
Потому что лапландцы —
как духи,
в книжке есть,
а в наличии нет.

Безразличные к брошкам и тряпкам,
варят суп во дворе на костре
и не знают про Путина с Трампом
и про гордых хохлов на Днестре.

Бег оленей размашист и долог.
Жмитесь, детки, поближе к костру.

Заметает снегами посёлок...
Никого не отыщешь к утру.

Простодушье

Протяжный
взрыв очарованья
прозрачных роц и ручейков
пересечёт твоё дыханье
и частоту твоих шагов.

И ты поймёшь, неторопливо
входя и в сердце, и в строку,
что даже ты
не так красива,
как эти кроны наверху,

как лёгкий лист,
чьё полукружье
накрыло синих капель смесь,
с непостижимым простодушьем
соединяя
жизнь и смерть.

Памяти поэта Кости Рассадина

Теперь плевать уже, кто больше
скрипел пером,
махал крылом,
и в чьём стакане водка горше
была за жизненным столом.

Уже не век — одна минута
дана на общую судьбу.
Уже легко нас перепутать,
кто рядом с гробом,
кто в гробу.

Прощай, браток. Мы все похожи.
День отошёл, ворча, скуля.

И без твоей цыганской рожи
притихла русская земля.

ВЫ ПОМНИТЕ ВАНЮ?

Вы помните Ваню?
А Ваня хороший был малый.
С большими губами
и доброй улыбкой усталой.

Его даже мухи,
и те не кусали, поганки.
И злые старухи
ему умилялись, как мамки.

А злые собаки
смущались, Ванюху обнюхав,
и очень желали,
чтоб он почесал их за ухом.

И он их чесал,
и они ворковали, как дети.
И не было в мире собачек
счастливей, чем эти.

В прибрежном тумане
плывут деревеньки пустые.
Вы помните Ваню?
Вот это и вправду —
Россия...

СЕВЕРНАЯ СКАЗКИ

Бесстрашных колокольчиков дуга
в краях глухих,
как в безднах океанских,
оповещает русские снега
о ярмарках,
о таборах цыганских,
о факелах, горящих на мосту.

...там в ярких травах прячутся букашки.
там розы и акации в цвету,
лазурный бант
и красные рубашки.

А Русь в снегу —
как облако в руке
у Бога — молчалива и серьёзна.
И только колокольчики в дуге
звонят в тоске несбыточной и звёздной.

Оконца полусонные сквозят
домашним светом трепетно и скупое.
И Мать ведёт Снегурочку в детсад,
и говорит: «Побольше кушай супа».

Сбивает с тёплой шали пух-снежок,
сто мелких колокольчиков (так много!).
И розовый огонь молочных щёк
горит, живёт
и греет руки Бога.

ЧТО ЕСТЬ РОЗА?

Роза ветров
восхитительна и стервозна,
как всякая роза, выросшая в России.
Её железные лепестки
звенят в ушах простуженных голодранцев,
не понимающих
звериной красоты момента.

Эх, раз, свет-просвет,
ветреные слёзы!

Кто сказал, что Бога нет,
тот не нюхал розы,

не дышал на лоскуток
задубевшей кожи
и не падал,
сделав вдох,
прямо в руки Божьи...

РОМАНТИКА СКЛЕРОЗИ

Беспамятство льётся, как речь,
легко, усыпляюще, плавно.
Ладони уже не сберечь
сияния линии главной.

Энергий свирепых заряд
иссяк от стопы до макушки.
И совесть с рассудком сопят,
уснув, словно дети в избушке.

Зачем огород городить
в прихожей у вечного Чуда?
Зачем на работу ходить?
Зачем возвращаться оттуда?

Мобильники, как соловьи,
пущай себе голос срывают.
Душа пребывает в любви?
Да шут с ней, пуцай пребывает.

На складки приспущенных век
ложится небесная манна.
Беспамятства розовый снег
не весит по сути ни грамма.

Нежнее младенческих уст
и стали холодной суровой...
Так вот ты какое на вкус,
слияние
неба и крови.

НИЧЕГО, МОЙ СВЕТ...

Как-то странно живу, мой свет.
Будто каторжник без цепей:
не выписываю газет,
не воспитываю детей.

И какой бы ни делал вдох,
чтоб любовь, словно воздух, пить,
окромя человечков трёх,
больше некого мне любить.

Ничего, мой свет, ничего
(чем богат, мой свет, чем богат).
Это лучше, чем — никого,
и честнее, чем — всех подряд.

Неторопливое и очень, очень далёкое

Хорошо, когда печка топится
и ноги обуты в валенки.
И никто никуда не торопится,
а под печкой — котёнок маленький.

А на окнах — рисунки зимние,
ёлки белые, пальмы ватные.
А глаза у сестрёнки — синие,
а у котика — голубоватые...

Кругосветка

А уж ежели кругосветка,
лучше нет,
чем в телеге на сене
ехать с медленным скрипом
и ласковым ветром,
направляясь к любимой
ядрене фене.

Разживляясь у встречных хозяйчиков
хлебом и салом,
говорить с ехидной усмешкой:
«Дороговато!»
И под байковым,
крепким, но выцветшим одеялом
укрывать
беглых мальчиков из интерната.

Так бы ехать и ехать, скрипя, —
ни вреда, ни следа —
по просёлочным травам
и солнечным улочкам узким...
и заехать куда-нибудь,
ёлки зелёные,
абы куда...
Только чтоб без начальства
и чтоб говорили по-русски.

НА СОЖЖЕНИЕ СТАРОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Безмолвьем варварским блистая,
пылают Африки пески,
и две Америки с Китаем
сгорают, как еретики.

Восток и Запад с пыла, с жара
вступают в вечное родство.
И где-то там горит Самара
(что возмутительней всего).

Хребты, покрытые корою
шершавых льдов, горят дотла.
Горит разрушенная Троя
и золотая Шамбала.

Они, вздымаясь в смертном сапе,
ещё не знают до сих пор,
что некий *hama polusapiens*
решил под вечер
жечь костёр...

ПРОРОКИ

Все пророки одиноки,
совершают чудеса,
пишут пламенные строки,
указуют в небеса
и, счастливые, как дети,
любят шастать и бродить.

Одного хотя бы встретить,
накормить и напоить.
И когда он выпьет много,
расспросить: какой он, Бог?
почему он видел Бога,
а наш батюшка не смог?
Почему одет так просто?
Где свой крестик покупал?
И какой ему апостол
в душу более запал?

А когда за чаркой (лишней!)
он устанет говорить,
постелить ему под вишней,
а с утра опохмелить.
Пусть во сне, подобно тучке,
он душой плывёт в зенит
(и носки его, вонючки,
подменить, пока он спит)...

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬКА

я был беспечен, как сверчок,
когда (поддав немного),
один бездетный мужичок
сказал, что верит в Бога.

я покраснел от пят до щёк
от этой ахинеи,
и комсомольский мой значок
вдруг тоже стал краснее.

мужик сказал:
—ты не красней.
на Бога вся надежда.
мужик сказал:
—хочу детей.
тут Ленин не поможет.

и, одиноко выйдя в дождь,
потопал по аллее.
и почему-то стал похож
на Левия Матвея.

и я глазел ему вослед,
ругал себя и злился.
и понимал, что Бога нет,
и
первый раз
молился...

Песнь Луны

Ещё не отштормила Одиссея,
не найдена родимая земля,
ещё туманным сном Гиперборея
качается по курсу корабля.

Ещё поют прожорливые девы
на островах (хоть сердце в клочья рви)
и не потушен в спальне королевы
чадающий факел купленной любви.

Сто тысяч зим сплошного снегопада,
горящих глаз и стоптанных подошв.
Уже на небо взята Илиада, но Одиссея
длится, словно дождь,

как медленный полёт усталой птахи
сквозь чудные и страшные миры...

Мы доплывём.
Нас помнят на Итаке.
Ещё горят сигнальные костры.

ОБРАЗ

...и вновь над пыльною дорогой
всплывает в раннем далеке
голубоватый отблеск Бога
с зажжённой свечкою в руке.

как будто вновь Он что-то ищет
(или случайно уронил,
бредя в первичной темнотище
среди остывающих светил).

тёрн зацветает на Голгофе,
овечки блеют во дворе.
кипит в жестяной банке кофе
у бедуина на костре.

мой старый друг, наш день неведом.
куда поскачем вдоль весны,
куда пойдём?
—За Богом следом
(покамест мы Ему нужны).

за Ним, за Ним
по шляхам вечным.
не внемля лающей стрельбе.
к иным кострам,
к иным овечкам,
к самим себе,
к самим себе...

Ворон

Чёрный ворон...

Из песни

Над кем изгаляешься, ворон смешливый,
в моих небесах
отыскавший приют?
Лети и ищи
дураков несчастливых,
счастливые сами себя заключают.

Они тебе точно с трибуны не скажут
про жизнь и любовь вдохновенную речь.
Они себя
прочною нитью обвяжут
и сами её умудрятся поджечь.

Тебе не узреть, прозорливая птица,
как змейкой бикфордовой тянется нить
от самого сладкого слова
«влюбиться»
до самого страшного слова
«любить».

Родственное. Зимнее

Снег можно есть.
Он чист и сладок.
Он всем родня одномоментно.
У человека нет перчаток
и шапки нет,
и документа.

Он до апреля не дотянет,
споткнётся и — несчастный случай!
И может, тоже
снегом станет,
точь-в-точь таким
и даже лучше.

И потому ему не грустно,
он щерится теплом и лаской
широкой рожей
полурусской,
полутатарской
(иль хохляцкой).

Прекрасно жить
без документа,
коль ты живой и человеческий,
и всем чужой (одномоментно),
и всем — родня (уже навечно).

Книга Джунглей

Книга Джунглей —
гортанные речи,
окроплённые
красной росой,
тихо светятся
нечеловечьей,
первородной,
жестокой красой.

Недопитая чашка мадеры,
серым пеплом прожжённый рукав.
Книга Джунглей —
орлы и химеры,
честь и падаль
в собрании глав.

Как ребёнок,
склоняюсь над нею
(хочешь — пой,
хочешь — волком завой).
Прочитаю —
и стану сильнее.
Позабуду —
и стану собой.

Зимняя история в частном домике

Снимаю угол у сварливой тётки,
алкоголички, сплетницы, кокотки.

Из кухни пахнет
дустом и углём.

И за полночь читаю Элюара,
и слышу, как морозная Самара
с луной в снежки играет за стеклом.

Снежок летит на крылышках попутных
вокруг земли, крича: «Я тоже спутник!» —
над фабрикой, над храмовым крестом,
среди шёпота вселенского и гула.
А вслед за ним летит кузнец Вакула
и панночка во гробе золотом.

...так тешится зима
и озорует.

Она у тётки тоже квартирует,
я слышал в сенцах смех её с утра.
Не барышня и не простолюдинка,
а славная соседка-невидимка.
Иначе бы откуда эта льдинка,
почерпнутая кружкой из ведра...

МОЛЬБА

Моя нечаянна мольба
И неумна, и диковата.
И в кровь искусана губа,
Как у влюблённого фаната.

Окурками усеян стол
И пеплом пол
(прощай, денёчек!).
Мой полушёпот, полустон
И полухрип в час сорок ночи.

Ночь, как дыра, глуха, слепа
И чёрных замыслов чернее.
Мольба. Ну, надо же... Мольба.
А я уж думал, не сумею...

Взывая наперекосяк,
Не ведал правды простодушной:
Что лишь когда не знаешь — как,
Тогда и делаешь, как нужно.

Что человек — и есть Мольба.
А к ней — две ручки, пара ножек,
И что любовь, когда слепа,
Ещё и не такое может...

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Так гулять бы
и бродить бы,
и смотреть во все глаза,
потихонечку
чинить бы
утюги и примуса.
Пить чаёк
в избе сосновой,
Богу жалиться во сне:
«В двадцать первом мне хреново,
в девятнадцатый бы мне...»

В бороде улыбку спрячет
и вздохнет:
«Не хнычь, солдат,
в двадцать третьем тоже плачут —
в двадцать первый все хотят...»

Беспечность звёздного наитья,
беспутной нежности разбой.
Возьми себе
мой тёплый свитер,
пусть обнимается с тобой.

И томик Блока
на дорожку,
и шоколадку (на полдня!).
Ну, что ты трогаешь обложку?
Дотронься лучше до меня...

Рукопись

Ври не ври,
словесно ль, мысленно ль,
дыбом шерсть иль шёлком шерсть,
всё равно на лбу написано,
как ты жил,
и кто ты есть,

отчего душой полынною
любишь ёжиков и птах,
и отколь тоска звериная
в человеческих глазах.

В КОЛЬЦЕ

Душа в кольце,
патрон в стволе,
и некуда идти.
И тёмны тропы на земле,
и тает водка на столе,
бессильная спасти.

Развал страны, печаль очей,
крушение скорлуп,
расстреливанье трубачей,
растаптыванье труб.

Делёжка звёзд и облаков
меж тигров и хорьков.
И ничего для босяков,
помимо их оков.

И запыляет мой порог,
и дрогнет мой стакан,
когда и тигр, и хорёк
ударят по рукам.

Обнюхивая там и тут
продымленную тьму,
они с опаской подойдут
к порогу моему.

Их встретит пепельный пустырь,
где тлеет уголёк.

«Да, это он», — промолвит тигр.

«Он, он», — кивнёт хорёк.

«Он!» — заскучают облака,
деревья и друзья.

Пусть так и думают пока...

Хоть это и не я.

Начало

Он вышел из подполья.
Плыл туман.
И сладость разливалась по гнездовьям.
А смерть казалась сущим хладнокровьем,
Врачующим рубцы
От старых ран.
Он вышел
И увидел зеркала,
И в каждом отразился смутно дважды,
Подумав:
«Кто я есть?
Чего я жажду?
И что есть жизнь?
И чем она была?
О чём она молила, вопия
(ужель о том, чтоб не остаться в теле?)?
И человек ли я на самом деле?
А коль не человек —
То кто же я?»
И солнце вдруг ударило вразброд.
Какой-то селезёнок
Спел иль скрякал.
А может, он не пел.
А может, плакал...
Кто этих селезёнков разберёт?
Часы звонили неизбежный час,
Что было непонятно, но приятно.

Он вышел из подполья.
Первый раз.
И понял вдруг,
Что нет пути обратно...

НАКАНУНЕ

Вряд ли о чувстве долга
мыслит монах-поэт.

Долго.

Предельно долго
Молится Пересвет.

Сгорбленные мужчины,
Внемлющие кресты.
Вот они — наши спины,
вот они — их кнуты.

Вот он — позор отцовский,
что предстоит нам сжечь.
Вот он — восход кремлёвский
и золотая речь.

Смотрит Христос с заботой
Сверху сквозь бытие:
«Господи,
это кто там?
Это ж дитя мое...»

Вряд ли о чувстве долга...
В эту глухую тьму.
Просто молиться долго
Сергий велел ему.

Вот он — из слёз и грязи
В светлом венце встаёт...
И никакие Князи
нынче пока не в счёт.

МЫСЛИ НА СТУПЕНЬКАХ

Если веруешь долго и тихо,
Не внимая попутной стрельбе,
Не возьмёт тебя пришлое лихо,
А возьмёт только то, что в тебе.

Если ты не злодей и не враг
Всем травинкам осенней земли,
Не взлетит над тобой чёрный ворон.
Сам найдёшь его в синей дали.

Три пакетика чая не слишком
За прозреньё большая цена.
Смерть — такая же точно трусишка,
Как и те, к кому ходит она.

Три ступеньки родного порога
Не великая в общем-то высь.
Но и их иногда
Слишком много,
Если долгою кажется жизнь.

СТАРИЯ ИНСТРУКЦИЯ

Уходя — уходи.
Это догма.
Это — правда прозрачной стекла.
Где-то плачет далёкая домра.
Горько Домре,
А всё же ушла.
Уходя — уходи,
Днём ли, ночью.
Не садись за отскобленный стол.
А потом уже плачь, сколько хочешь,
Сраму нету на тех, кто ушёл.
Не кричит глубина из колодца,
Не грозит крестами могил.
Кто уходит —
Всегда остаётся
Лучше всех, кто к тебе приходил.

СТРАШИЛКИ

И душу раскроешь,
и разум отдашь,
когда вдохновенно и жутко
ночных суеверий старинная блажь
касается лапой рассудка.

А лапа весома и всё же легка,
как веник на жарком полке.
И вот уже входят в окно облака,
а с ними туманные строки.

И думаешь: «Чудища или зверьё?
А вдруг это лихо такое?
Вдруг это печати на счастье моё
кладутся шуршащей рукою?»

И счастье моё засыпает, звеня
всей болью протяжно-унылой.
И вот уже нет
ни его,
ни меня.
А было ли, было ли, было?

Блѣстки лета

Блѣстки лета
На смуглой руке.
Шелковистая синь вместо крыши.
Слышишь, шепчутся буквы в строке?
Очень тихо... И всё-таки слышишь.

Эта речка, где тишь-благодать,
Побелей молока и кумыса.
Нам бы только в неё не плевать
И по пьяному делу не п́сать.

Потому что она отразит
И тебя, и меня на мгновенье.
А ведь даже последний бандит
Не плюёт на своё отраженье.

Вот оно закружилось, как смерч.
Исчезает. Вздыхает. Взывает.
Полужизнь. Полу(всё-таки)смерть.
А вот полулюбви не бывает.

СЕРЕБРО

Когда замру
В оцепененье сладком,
Тогда пойму,
Что, как бы ни писать,
За чёрным сайтом
И за серым сайтом,
За белым сайтом
Есть небесный сайт.
Он рассылает
Капли, зёрна, крошки
И жгучие снежинки серебра.
И там уже давно
Мерцают строчки,
Которые приснились мне вчера.

ДВЕРИ

Двери тоже умеют молчать,
не скрипеть,
не пищать, как мышата.
Двери тоже умеют читать
то, что мы написали когда-то.

Тосковать по листам телеграмм,
по бездомной, но сладкой свободе
и грустить по прекрасным словам,
что однажды звенели при входе.

В НОЧЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Месть не Господняя стихия...
Темны громады облаков.
Сейчас Тарас убьёт Андрия
И отомстит за казаков.

Бог не ликует и не плачет.
А смотрит в сторону опять.
Нет никого.
Стреляй, казаче...
Без Бога легче убивать.

Дух смерти ходит враскорячку,
Дымится подлое ружьё.
Нельзя, Андрюша,
На полячку
Менять Отечество своё.

Спи, казачок,
Земля прекрасна
Для всех, кто лёг в неё, любя.
И ты прости уж,
Что Тараса
Мне жалко более тебя.

Из гостей

Не с той ноги,
опять не с той ноги
привстал
и стал беспомощней ребёнка,
и лезут прямо в ноги сапоги,
как два неторопливых поросёнка.

Кыш, кыш, ребята...
Нынче не ходок.
Лишь в зеркала смотрю смущённо-гордо.
Зачем вчера я шёл наискосок
и поперечно,
и совсем нетвёрдо.

Сиротскою, как степь, казалась жизнь
(а что я пел? не вспомнишь раньше сроку).
На кой мне хрен такой капитализм,
в котором я
ни сбоку ни с припёку?

Лирическая звенькала струна
(ну да, ну да... а всё же пел немало).
А!
Вот, что пел...

Я пел: «Вставай, страна!»
(Какое счастье, что Она не встала...)

ВЕРНЁТСЯ...

Добрый сказочник вернётся
через месяц, через год.

Пусть он десять раз споткнётся,
но тебя переведёт
сквозь шуршание и лужи,
шепоток со всех сторон,
сквозь будильник, что не нужен
за отсутствием времён,
сквозь лесок, что окантован
злым мерцанием в темноте,
сквозь очаг,
что нарисован
на заляпанном холсте,
сквозь заржавленную ярость
заколдованной земли.

Скажет: «Вот... а ты боялась...
ставь котомку... перешли!»

Порядочек

Над снежной мглой,
Над пропастью во ржи
Минутами, годами и веками
Великие герои и мужи
Высь подпирают лунными рогами.

Глаза заволокло, и голос стих.
И прохудились старые карманы.
И падают, как семечки, из них
Весёлые ребятки дон-жуаны.

На всю округу слышен визг и смех,
Но тихо-тихо в горечи окружной.
Ведь терпит же Господь
И тех, и тех.
Он терпит...
Значит... так пока и нужно...

СКВОРЕЧНИК

Скворечник,
Добрый к небесам,
Лишь одиночества боится.
Я в нём бы поселился сам,
Жаль, что меня не взяли в птицы.

А то, не ведая дорог,
По грустно-зябнущему небу
Гулял бы я,
Как дурачок
Гуляет босиком по снегу.

Испив лазурного ручья,
Входил в скворечник свой забавный
И говорил бы: «Вот и я» —
Какой-нибудь скворчихе славной.

Спиралевидная тоска,
Ты многозвучна, словно лира.
Но утомлённая рука
Ещё сжимает том Шекспира.

Там алчет дух,
Там страждет мир,
Средневековый и сердечный.
Там одинокий бродит Лир
И не найдёт себе скворечник.

Мы

И смерть, и жизнь, и ночь, и день —
Лишь шорох Вечного Завета,
Где человеческая тень
Ночами выше человека.

В нём ощущается сильней,
Что мы, за редким исключением,
Богаче, больше и длинней
Своим бесплотным продолженьем,
Что, если и раздастся гром,
Осядет пыль по нашим струнам,
Мы, как дредноуты, пройдем
Без страха по озёрам лунным,
Освобождаясь от цепи,
Казавшейся прочнее прочных...

И затеряется в степи
Окаменевший наш источник.
Куда же мы? Куда же вы?
За тенью тень без суесловья.
Не из чего-то — из любви.
И не за чем-то — за Любовью.

ГОЛУБЬ ПРИГРАНИЧНЫЙ

На границе бессолнечных дней
Ходит голубь, беспечный, как муха,
Под прицелом сезонных дождей
Не теряя присутствия духа.

Вперевадку сопя-семеня,
Ни людей, ни зверей не боится.
Он немножко похож на меня,
Хоть, конечно, мы разные птицы.

Но из общего озера пьём
Божьи слёзы, безвестность и славу.
И из тех же ладоней клюём
Хлеб насущный, любовь и отраву.

НЕВЕСОМОЕ

Сто лет уже не видел, как летят,
вцепившись в паутинку, паучата,
смышлёные ребята-чертенята,
и все вампиры. С головы до пят.

А воздух пахнет мятным холодком
и осенью, и козьим молоком,
хрустящую обёртку бумажной,
шуршащим сеном,
сыростью овражной
и брошенным дырявым сапогом.

О, Господи,
Ты рад или не рад
Тобой самим же созданному миру
и сладкому стремительному мигу,
и дивному полёту паучат?

Ещё звенят созвездия листвы,
и ветер сохраняет благочинность.
Я знаю,
Ты старался для Любви.
И получилось...
так... как получилось...

ФОТОСЕССИЯ

Все равны. Будто крошки в котомке:
Всякий хмырь и поэт, и герой,
Незнакомки мои и знакомки
Рассчитались на первый-второй.

И глядят себе,
Будто бы внове
Примеряют судьбу, как пальто.
Нелюбови мои и любви,
И совсем уже чёрт знает кто.

Я их глажу по глянцевым лицам,
Бережливца. Горюн. Скупердай.
За кого из вас мне помолиться?
— Ты не умничай.
Ты начинай...

И в дальний путь на долгие года...

мой город, заблудившийся в снегу,
пойдём со мной, куда душа прикажет.
ловить стрекоз на ситцевом лугу
и с тополей сдувать пушок лебяжий.

и уплывать по матушке-реке
куда-то, за родными небесами.
и песню о Самаре-городке,
обнявшись, петь
(дурными голосами).

а коли подпоёт... ну... кто-нибудь,
мы и его обнимем, одобряя.

и заберём с собою
в долгий путь
по вещим кочкам,
от Руси до Рая...

Не ешь меня, зверь,
Не царапай, не бей.
Есть жертвы вкусней и смиренней.
Ты только отравишься
Синью степей
И холодом рощи осенней,
И гордостью солнца,
И горечью льда,
Хрустящей, жестокой и жгущей.
Упала за пазуху злая звезда
И стала пиявкой пьющей.
Которая песенки славно поёт
И спит на груди, как подруга.
Но чаще конечно же кровушку пьёт,
Тут вы с ней похожи, зверюга.

А если тебе в глубине сентября
Смешно меня, глупого, слушать,
Ты уж разберись с ней,
Зверюшка моя,
Кому меня первому кушать.

НЕ СПИТЕЯ

Утомлённая добрая тишь
Приласкала крылатую стаю.
— Почему ты, колодец, не спишь?
— Потому что я капли считаю.

Их так много во мне, что беда,
Те — родные, а те — дождевые.
И осколки весеннего льда
Шевелятся во мне, как живые.

Капля к капле весны и любви,
Я не сплю, я из бездны блистаю.
Урони в меня слёзы свои,
Я их все до одной сосчитаю.

Как они серебрятся внутри,
В одиноком ларце моём строгом.
Только долго в меня не смотри.
А попей
И иди себе с Богом.

БАЛАГАНЧИК

Я бедняк.
Я по углям горячим хожу,
А живу по смердящим углам.
И глотаю ножи,
Каждый день по ножу,
Но в карманах моих по нулям.
Пёстрых лент бесконечность
Таскаю из шляпы своей.
Пью вино подешевле
И этим здоровье гублю.
И восточною дудкой
Смиряю рассерженных змей,
И кормлю их из блюда,
Но если шипят — не люблю.
Я не помню
Ни маму, ни папу,
Ни первый свой дом.
Но однажды торговку вином
Себе выбрал в подружки.
У неё была серая кошка
С пушистым хвостом.
Эта кошка любила лежать
У меня на подушке.
Третий день
Серый дождь выбивает военную дробь
По зонтам и затылкам,
Ударным трудом обуян.

Неопрятный рассвет
Поднимает ленивую бровь
И взирает вполглаза
На спящих в домах горожан.
Представленья не будет
По случаю долгих дождей.
Кто же, кроме меня,
Прояснит наконец небеса?
Мало в городе этом
Осталось весёлых людей.
Но всё больше таких,
У которых стальные глаза.
Я лапшу подгоревшую ем,
Наливаю вина.
Мне бы в солнечный край
Убежать, ускакать ради Бога.
Третью ночь
Над моим балаганом не всходит луна.
А из города через погост пролегает дорога.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ

Ну да, вот так вот и кончается
Вся эта творческая дрожь.
Сперва стишок не получается,
А после плюнешь — и запьёшь.

Ну да, вот так всё и кончается —
Похмельной глупой головой.
Сперва держава разрушается,
А вслед за ней рассудок твой.

Да и зачем тебе он, сумрачный?
В придаток, что ли, к бороде?
Необязательно быть умненьким
На заключительном Суде.

Не нужно вздохов и истерики,
Рассказов страшных про тюрьму.
И этот галстук из Америки
Там тоже будет ни к чему.

Сожмётся времечко спрессованно:
— Что тут за чудо, чёрт возьми?
— Я из России! — крикну сорванно.
— Да ладно. Ладно...
Не шуми.

КАРТОННЫЙ ЛИСТ

Да мало ли? В ушах ненужный звон:
Картонные дворы и переулки.
На части разрезается картон,
Он образует странные фигурки.

Принцессы, свинопасы, дурачки —
Они живут, воркуют, точат ляды.
Оны поют, сжимают кулачки.
Оны мечтают (даже свинопасы!)...

Оны пьют ветер, сорванный с копыа,
Сшибающий, гуляющий по свету.
И только интересно: где там я
(а может быть, меня там вовсе нету)?

За безнадежно плотными дверьми
Не слышен голос флейты и гитары.
И где же там Самара, чёрт возьми?!
И как они там могут без Самары?!

СКИЗКИ ДЛЯ ВНУКОВ, КОТОРЫХ НЕТ

Изломанность линий пугает слегка,
Как искр всполошённых движение.
Не жизнь коротка,
А судьба коротка,
А жизнь — лишь её приложенье.

Рванёшься, ухватишь быка за рога.
Очнёшься: напрасная штука.
Не жизнь коротка,
А любовь коротка.
А жизнь — лишь семестр да наука.

Не искры, а капли сгорают в огне,
Водой родниковую бредя.
А Счастье всё едет
На белом коне
В Самару...
И всё не доедет.

ЧЛЕПИТИЕ В САМАРЕ

Кубик сахара,
Как человек,
Растворяясь, боится немножко.
Полужизнь. Полумрак. Полусвет.
И огромная чайная ложка.

Мы сидим у чужого огня,
Наблюдая извне и снаружи.
Этот кубик похож на меня,
А второй — и гадать-то не нужно.

Как же мы (не перечь, помолчи!),
Ничего не предвидя заранее,
Почтальоны, шпионы, врачи,
Все в одном растворились стакане?

Лишь глаза из ненужного сна
Не желают ни сна, ни покоя.
И глядит моя дочка со дна,
Дескать, как же случилось такое?

Я темнею лицом и курю,
И не верю в случайную милость.
— Так вот, милая, — ей говорю, —
Не хотели — а видишь? — случилось.

НЕ СРАЗУ, КОНЕЧНО...

...и я не верил, что зима
Пройдёт, шурша, звеня, блистая,
Как белоснежная чума,
«Красивая и молодая».
Иль не чума... Красам — краса.
Иль не прошла (на повороте)?
А сплющивает небеса,
Как злая пуля на излёте.

Я не прошу. Ты не проси.
Не нужно сердцем суетиться.
Она — царица на Руси,
О, Господи, она — царица.
А мы, как смерды у окна,
Сидим и ожидаем брата.
И вдруг кричим: «Весна! Весна!»
А ведь и правда... Ведь и правда...

PER ASPERA...

А неба стало больше вдвое
И меньше горечи в вине.
Бог его знает, что такое.
Он знает. Но не скажет мне.

Пушу кораблик вплавь по луже,
А Он возьмёт да подберёт.
Сырок и булочка на ужин.
Старинной книги переплёт.

О чём жалеть? Сырок расплавлен.
И прочен древний переплёт.
Вот разве что — не тот кораблик.
Но ведь пустил.
Но ведь плывёт...

ТАК, ТАК, ТАК...

И ведь знал я,
Что яблочко долго растёт,
А срывается быстро,
Что в костре многолюдном поёт и поёт
Одинокая искра.

И ведь знал, что сумеет пропеть лишь одна,
Что в узоре салюта
Перепутались ниточки, как времена,
И уже не распутать.

Эти глупые мысли отныне и впредь
Станут глуше и тише.
А чего же хотим мы?
Господь мой, ответь.

Так, чтоб я не услышал...

Мальчик

Знамя ярко.
И чище лазури —
Голубые глаза, словно Стих.
Знаменосцы не пьют и не курят
(руки заняты шибко у них).

Он сидит на крыльце вместе с нами,
Собачонка дурная у ног.
— Отдохни, не цепляйся за знамя,
Положи своё знамя, сынок.

Улыбаются добрые лица.
— Нет, — мотает башкой, — вот вам крест:
Отпущу, и чего-то случится.
И исчезнете вы все, как есть...

Володе Плотникову

Вместо хлебной луны —
Мандариновый месяц.
Вместо старых икон —
Пластик окон пустых.
Но иконы нельзя
До конца занавесить,
А вот окна — раз плюнуть,
Да дело не в них.

Жизнь, как новый волчок,
Закружилась быстрее.
Месяц в том виноват
Или я виноват.
Но ведь месяцы с окнами
Тоже стареют.
А иконам стареть
Не положено, брат.

ЛЕНТОЧКИ

Неуправляемость строки,
Необязательная смелость.
И там стихи, и здесь стихи.
И всё не то, что бы хотелось.

И запестреет на момент
В глазах (и прояснится снова)
От белых лент, от алых лент,
От жёлтых лент, вплетённых в слово.

А слово кашляет в дыму,
Глазами хлопает невинно.
А слову ленты ни к чему
(их всё равно в дыму не видно).

СТРОЧКИ

...и медленный пламень целует строку,
И руки до плеч отдаются песку.
А пламень играет на случай.
Без пламени тоже горела б она
До белого неба,
До чёрного дна.
Но с пламенем всё-таки лучше...

ЛУЧШАЯ ПЕСЕНКА

Осела прозрачная пыль.
Всплеск бури над каждым листом.
Когда завершается штиль,
Тогда начинается шторм,

Свирепый и глупый, как лев,
Искусанный блохами сплошь.
Уходит звенящий напев,
Приходит звенящая дрожь.

Аукнулся в грозный предел
Медовый, как сон, тиховой.
Зачем эту песенку пел
Незримый морской соловей?

Всё встретим с открытым лицом:
Рычанье, качанье и мрак.
Когда начинается шторм,
То лучшая песня — «Варяг».

Философ

— В конфликте с собою живое,
На что обижаться, браток?
Философ качнёт головою
И даст мне понюхать цветок
Лиловый и тёплый, как ухо
Большого и доброго пса.
Великая сила — наука
С надеждой смотреть в небеса.

— Послушай, а вдруг накатило
Вот так, через так, через край?
Философ почешет затылок
И скажет:
— Тогда умирай.
Утешить, конечно, не жалко.
Но если сказать по уму,
То больше тебя на рыбалку
Ни разу с собой не возьму.

И встанет.
И сплюнет в течение,
И в землю уйдёт каблуком.
Закроет зарю на мгновенье
Огромным своим сапогом.

Когда-нибудь он поглупеет,
Устав от большого ума.
Пилюлю глотнуть не успеет
И вмиг превратится в сома.
С усами и мордой корявой
В одном из приволжских озёр
Он будет дремать под корягой
И думать про наш разговор.

А МОЖЕТ...

А может, и нет
Ни Америк, ни Азий, ни Африк?
А может, всё врут про гренландские синие льды?
А есть только дворик самарский, прозрачный,
как капля,
Да старые шлёпанцы цвета стоячей воды.

А может, и нет над скамеечкой кустиков хлипких,
Дрожащих и сырых в полночный и утренний час?
А есть только мартовский воздух,
Разумный и липкий.
И лепит он сам из себя
Всё, что хочет, для нас.

И тихо душа расплывается в разные стороны,
Где Африки нет и Америки нету окрест.
А душу не видят
Ни люди, ни звери, ни вороны.
Зачем её видеть?
Она и без этого есть.

Над озером

По старой родной примете
Нет пятен у чистоты.
Где солнышко, там и ветер.
А это всё вместе — ты.

Не колет игла забвенья
Того, кто забыть не смог.
Где солнышко — там и пенье
Очищенных светом строк.

Над озером свет клубится.
Но это не мы с тобой.
А просто две старых птицы
Спустились на водопой.

Огоньки...

...через тонкое шитьё,
Безрассудное житьё
В старом зеркале всплывает
Отражение твоё.
И глядишь ты на меня,
Ничего ещё не знаешь,
Никого ещё не любишь —
Не чужая, не родня.
Не сверкает твой кристалл
Так пугливо-одиоко.
Я тебе ещё не дал
На три дня поэта Блока.
Я тебе ещё не пел,
Шибко выпимши, «Гренаду».
Просто рядышком сидел,
Если это было надо.
Не вершки и корешки
Собирали мы, трудились,
А сажали огоньки,
Чтоб они потом светились.
И теперь они растут,
Независимые боле.
Просто мы с тобою тут.
А они остались в поле.
А они остались там,
Тихо светят, светят, светят.
И всю жизнь с тобою нам
Не хватает свечек этих.

В ОТСУТСТВИЕ СНЕГИРЕЙ

Как был «совок» — так есть «совок».

А кто ж? Хоть морду бей
(когда ступаешь за порог
и кормишь снегирей).

А снегирей уж нет давно,
Есть только воробьи.
Но ведь мои же всё равно!
И те, и те — мои.

И никакой капитализм
Не отберёт уже
Ни этот снег,
Ни эту жизнь,
Ни птичий свет в душе.

О СЕРОСТИ

Моя серая мышка,
Моя серая моль,
Никому не заметна
Твоя серая боль.
Ты сама так хотела,
Получая под дых,
Чтоб никто не увидел
Серых слёзок твоих.

Ты сама так желала:
Не сверкать, не блистать,
А дышать еле слышно
И под дых получать.
Это кажется: мышка...
Что быть может серей?
Но Господь не притушит
Вспышку боли твоей.

ЗАВТРА

Завтра
Из серости своей
Вырежу маленькую звездочку,
Надену на палец,
Подую, чтоб не жгло.
И буду ждать, когда из неё
Родится любовь.
Редко,
Но бывает.
А вы думали,
Что совсем не..?
Эх,
Родимые...

Ил дорожку

И крестики, и нолики
Скучают взаперти.
Спасибо, братцы-кролики,
Но мне пора идти.

Уже поют подсвечники
И тает воск с утра.
Спасибо, человечики,
Но мне уже пора.

Так лист многоузорчатый
Влетает в синеву,
Так ветер позолоченный
Врезается в траву.

Так слабость рвётся силою
И не имеет сил.
Спасибо, мои милые,
Я вас всегда любил.

Шлагбаум

Не накопив на медный грош дурного,
Душа взлетит над вышивкой степей,
Шлагбаум притяжения земного
Бесшумно отворится перед ней.

И больше
Не останется вопросов,
Лишь спирт с водою сплавятся в туман.
Поэтому не умничай, философ.
Сморкнись в три пальца
И подставь стакан.

Тяжеловата жизнь и подловата,
На первый взгляд
И на последний взгляд.
Скажи,
Что ты любил меня как брата,
И я поверю,
Я поверю, брат.

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

Из миров параллельных запомнил один.
Он такой же, как наш, но совсем нелюдим.

Там по-крабьи, касаясь клешнями земли,
Облака проползают в траве и пыли.

Тихо лошади ржут, глухо волки рычат,
Плавно гуси летают, построившись в ряд.

Над живою водою возрастают леса,
А над мёртвой водою грохочет гроза.

А в низине, среди безымянных болот,
Одиноко царевна-лягушка живёт.

И доверчиво держит в губах меж травы
Наконечник моей полусгнившей стрелы.

НЕ ПЕЙТЕ ВИНО...

Не пейте вино и не ешьте еду,
Когда я по Вашей ладони иду.
Не дуйте мне в грудь или в спину.
А то я нечаянно сгину.

А кто же тогда будет чушь городить?
Кто будет по Вашей ладони ходить?
Кормить Ваших глупых Пегасов
И слушаться Ваших приказов?

Кого Вы накажете за баловство?
И по носу щёлкнете больно кого?
Кому Вы поплачетесь сами?
Кого окропите слезами?

Лишь я с упоением взираю на Вас,
Лишь я не боюсь Ваших пристальных глаз,
Лишь я Вам так трепетно внемлю.
И, если Вам счастье протянет ладонь,
Не бросьте меня по ошибке в огонь,
А лишь опустите на землю.

Герои

...герои, в отличие от богов
и титанов, смертны.
Мифы Эллады

Несчастливы с пелёнок.
И в каждой ненужной войне
Они, как медведи спросонок,
Не знают — на чьей стороне.

Они, как подростки без детства,
В полынной безродной тоске
Не могут никак оглядеться
И взять себе меч по руке.

На них озираются люди
Пугливо (на то и война).
Никто их, героев, не любит,
А только дают ордена.

Как вихри среди снегопада,
Горят их слепые огни.
Вот только плевать в них не надо.
Авось пригодятся они.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УТОПИЯ

Всё утешится,
Утишится
Под созвездьем золотым.
Всё, что хочется, услышится,
Остальное — Бог бы с ним.

Все мурашки виртуальные
Распадутся в пух и прах.
Где злодеи зазеркальные?
Нет злодеев в зеркалах.

Уползают остороженько,
Оставляя грязный след.
Щёлкнул пальцем добрый боженька —
И теперь злодеев нет.

Разлетелись монстры-вороны.
Кто в дупло, кто на Парнас.
Это всё, конечно, здорово.
Даже как бы не про нас.

ЧУЖИЕ СТИХИ

От праздника
Остался чайник,
Два бутерброда и сырок.
Все наши помыслы печальны,
Все наши замыслы — не впрок.
И только снится куст сирени
Поющим облачком в окне.
Я не люблю стихотворений
Тех,
Что потом не снятся мне.

Что бы я...

Что бы я ни расцвечивал,
Ты расцветила краше,
Будто снежок идущий или дождик слепой.
Что бы я ни придумывал,
Ты придумала раньше.
Я просто не успеваю,
Милая,
За тобой.

Мостик дрожал бетонный,
Домики изгибались.
То ли землетрясенье было на этот день,
То ли гроза гремела,
То ли мы целовались,
То ли плыла по миру
Тихая Божья тень.

МЕТЕЛЬ

Метель
Всегда красива и страшна,
И чуть нелепа,
Будто рифма в прозе.
Ей жизнь моя
Нисколько не нужна.
Ей только б поиграть
И приморозить.

Ей невдомёк, когда в душе тепло.
Ей всё равно,
Где нынче спать придётся.
Летит себе по небу помело
И подметает всё,
Что попадётся.

Сто тысяч змеек
Жалят сквозь пальто.
Метель метёт
По всей Самаре разом.
И я, как Одиссей,
Никто, никто,
Никто
Перед её ослепшим глазом.

СТРУННЫЙ КВАРТЕТ

В дыхании струнных мелодий,
Плывущем, пьянящем слегка,
Опасные мысли приходят
На грани любви и греха.

Знакомы, а всё ж непривычны,
Тесны, как чужое пальто.
Их думать не очень прилично,
Но очень приятно зато.

Одно их присутствие мило,
Как в давнем окне силуэт.
Такая вот нежная сила
Заложена в струнный квартет.

А мыслям порядок неважен,
Им важен ночлег до утра.
Но я их кормлю, как дворняжек,
И тихо гоню со двора.

Беги, моя мысль,
Моя псина,
Ищи силуэты в окне,
Которым сия чертовщина
Намного нужнее, чем мне.

В той степи глухой...

Крестился, ругался и плакал.
И в песни нырял, и в стихи.
Всю жизнь он мне снился, собака, —
Ямщик, что замёрз во степи.

Звенела хрустальная чарка
С остатком хмельного вина.
Уж так мужика было жалко,
И так была песня длинна.

Я думал: «Коварная штука —
Степная позёмка подчас».
Я думал: «Ну, что же ты, сука,
Чекушку не взял про запас?»

А он, синеглазый, как мама,
Глядит виновато во сне:
— Не пью, — говорит, — я ни грамма.
Один я непьющий в родне.

ГОРОДСКИЕ ВИДЕНИЯ

Запорошенный город, где лучше всего
Пребывать в простоте, а не всуе.
Мы с тобой в нём живём и не видим его.
Мы не видим, а он существует.

А над ним в семь рядов небеса, небеса,
Эхо слов и молчания эхо.
Очень тёплые здесь у собачек глаза,
Будто зеркальца, полные смеха.

Ведь душе хорошо, что в снегу, что в тепле.
Не мерзлячка она. Не гордячка.
А кому и смеяться на этой земле?
Только нам да бездомным собачкам.

Обязательный снег на зелёной сосне
Бодр и мудр, как индийская йога.
— Что ты, милая, видела нынче во сне?
— Не упомню. Но плакала много.

На молодёжном поэтическом фестивале

Молодые поэты, как боги, красивы.
Поэтессы, как нимфы, стройны.
И журчат их наивных стихов переливы,
Как текущие вещие сны.

Как дымящийся, дышащий ступок в пробирке,
Источающий звук и цвета,
Или струнное эхо цыганской кибитки
Над пустынной твердью моста.

Дай-то Бог, преумножится и не прольётся.
Не затянется льдом полынья.
Дай-то Бог, что никто до поры не проснётся
И не станет столь умным, как я...

ВЕЩМЕШОК

На дорожку присяду с друзьями,
Выпью, губы утру. А ещё
Вещмешок со счастливыми днями
Перекину себе за плечо.

Эти дни, что резвились, светились,
Протекали ручьём между строк, —
Все в один вещмешок уместились.
В очень лёгкий такой вещмешок.

— Ну, — мне скажет Господь справедливый,
Милосердный и грозный Судья, —
Видно, нету поэтов счастливых?
— Что ты, Господи?
Вот же он, я...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Мы здесь.

Шелестит полотно

Медлительных дней в кофемолке.

Ложатся на чёрное дно

Речные зубастые волки.

Прощайте, смешные друзья,

Забудем друг к дружке дорожку.

Но, даже когда и нельзя,

Мы всё-таки здесь понемножку...

Запоминал...

Запоминавал,
Где идут снега,
Похожие на синее мерцанье,
Большие и дрожащие слегка,
И грустные, как сказки без названья.

Как ты живёшь, рябина-сирота,
Царица воробьёв, слуга печали?
Вчера сорвал две кисточки с куста.
Запоминавал,
Господи, вчера ли.

Зима дала мне отзыв и пароль,
И тишину рассудка и порядка,
И под лопаткой ноющую боль.
Запоминавал,
Что там — под лопаткой.

Ах, если бы рябине не краснеть,
И я бы не грустил на пару с нею.
А впереди стоят
Любовь и смерть.
Запоминавал,
Что из них больнее.

Трава, залитая дождём

Трава, залитая дождём.
Похожа ночью на болото.
— Куда мы, милая, бредём,
Как два слепца из анекдота?

То ль под расстрел.
То ль под венец
Спешим, по дождику ступая.
И я — слепец.
И ты — слепец.
Да и сама любовь слепая.

И вся Земля как детский сад,
Что ждёт отцовского прихода,
И глаз намокших с небосвода
Не сводит тыщи лет подряд.

И тыщи лет с пустой сумой
Идут король и королева,
Влюблённые Адам и Ева
Идут сквозь ночь к себе домой.

Скрипит колодезный рычаг,
И Ева пьёт из грубой кружки,
Как и пристало побирушке,
Утратившей родной очаг.

Шумят ночные камыши,
Фиалки кланяются Еве,
Как и пристало — королеве:
И до земли, и от души.

Застонет филин вдалеке.
На лунный свет лосёнок выйдет.
Любовь слепа.
Она не видит.
Какое яблоко в руке.

Искры

За каждое доброе слово
Спасибо тебе и зиме.
За белую скатерть покрова,
За искры на чёрной кайме.

За наши морозные вздохи,
За светлые наши миры.
Пройдут и уйдут скоморохи,
Вовек не пройдут гусяры.

Ручьями стечёт суесловье
Подземному Зверю в ладонь.
Над утренней детской любовью
Зажжётся весёлый огонь.

Растают чернильные маски,
Сотрётся копыто-печать.
А старые добрые сказки,
Ей-Богу, полезно читать.

Как мог...

Как мог я выбрать жизнь другую?
Я — капля на большом весле,
Я — малое перо в крыле
Земли, летящей в чёрном гуле.

И всё же мучаюсь виною
Того, что, не замыслив зла,
Влюбился я в перо иное
Из параллельного крыла.

И что душа? Что ум? Что внешность?
И остаётся лишь в глазах
Недосягаемая нежность,
Как паутинка в небесах.

Разговорчики

Перегорела микросхема
Опасной жизни в полстроки.
И нынче лишь одна проблема —
С утра найти свои носки.

Любовь и Смерть стоят в сторонке
И говорят о днях пустых,
Как две нашкодивших девчонки
Перед уходом в монастырь.

Но я не верю в их усталость,
В их покаянный говорок.
Тем более что мне осталось
Найти всего один носок.

Я их вниманья не достоин
(Мне выпал отпуск до поры).
Они уйдут. А я не воин,
Чтоб штурмовать монастыри.

Заглянуть...

От чистоты до чистоты
Шуршу небесными листьями.
От черноты до черноты
Коплю иголки под ногтями.

Жизнь прорастает сквозь бетон
И утепляется снегами.
Но чистоты сердечной звон
Звучит упругими толчками.

И заглянуть пока нельзя
За окончательность итога.
Где начинается стезя
И обрывается дорога.

Шаги

А улица полна шагов,
Пустынно-робких и скользящих.
От туфелек до сапогов,
Самоуверенно хрустящих.

Чужих и до смерти родных
На протяжённости поклонной,
Старушечьих и молодых,
Как блёстки изморози сонной.

И гулких, словно купола
Внутри невидимого царства.
Я здесь прошёл, ты там прошла.
Ты там прошла, а я остался.

Среди родившейся пурги
Знать не хочу, куда ты делась.
Я только слушаю шаги...
Кто запретит мне это делать?

ПОМЫТЬ ОКНО И ПОГРУСТИТЬ

Флёром иссиня-чёрным
Стайка в окне кружится,
Тихая, словно осень
Или забытый плёс.
Если б я верил людям
Так, как я верю птицам,
Всё бы ведь по-другому,
Господи, прожилось.

Чёрная точка слева
Реет под облаками.
Чёрная точка справа
Или дефект стекла?
Я протираю окна
Собственными руками.
Чёрная точка слева,
Птицей ли ты была?

Просто. Зарисовки

Так просто жить.
И говорить так просто:
Взял и сказал,
Фигни не говоря.
Рассыпать на картонке
Хлеб и просо.
Ешь, воробьи!
Чего летать зазря?

Да ведь и нет особенных вопросов,
Которые решать — великий труд.
Так просто жить
И умирать так просто:
Рассыпал хлеб —
И пусть себе клюют.

СВЕЧА. ДРУГОЕ

«Свеча горела на столе...»?
Схитрил пиит.
Свеча горела на земле
И всё горит.

Сквозь бытиё, небытиё,
Сквозь то да сё.
Уже плевали на неё —
Горит и всё.

Уж рубят ангелы плеча,
Крича навзрыд:
«О, Господи, что за свеча
Внизу горит?»

Уже сердечно дунул Бог,
Меняя суть.
И всё ж по доброте не смог
Её задуть.

Ещё разрешено нам жить,
Любить и лгать.
На то и Бог,
Чтоб не тушить,
А зажигать.

ОСТАВЬ МНЕ

Оставь мне
Твой утренний голос.
Он чист
И пушист, как снежок.
Он, словно податливый волос,
Спадает со лба и до щёк.

Как сон, что спускается с крыши
И вдруг превращается в явь.
Из всех голосов твоих стихших
Мне утренний голос оставь.

ПЕЧАЛЬ ДВОРЯНСКИХ ГНЁЗД...

Барсучья шерсть на пояснице,
Боль поглощается теплом.
Теперь усну,
И мне приснится
В глухом краю дворянский дом.

Над дверью старая подковка.
А там, внутри, сдавив виски,
Сидит великий полукровка
И пишет русские стихи.

Он полушепчет, полубредит.
Он смотрит долго в зимний сад.
Но мудрый Вяземский не едет,
А Дельвиг умер год назад.

Небесная приспела жатва:
На выбор, а не на авось.
Но мне Его ничуть не жалко.
Чего жалеть?
Всё удалось...

КРЕСТИК

Мой крестик нательный — живой,
Он часто на мне шевелится.
Он как бы играет со мной,
Но Бога при этом боится.

Он маленький вестник добра
И доли желает простецкой.
Но строгость его серебра
Сильней его сущности детской.

Но лёгкость и шалость чиста,
Как чист изначальный источник.
А строгий Спаситель с креста
Ни в чём упрекать нас не хочет.

Часть

Часть образа
Витает в пустоте,
А часть уже в словах.
Она объёмна.
Уже дерутся волки на листе
И овцы разбегаются бездомно.
Уже не соразмерна мыслям речь,
Уже дымок, как смерть, стекает с дула.
Уже любовь, смеясь, клинком взмахнула,
Чтоб душу твою надвое рассечь.
Часть образа
Вскипает на листе
И нарушает сон, покой, здоровье.
Часть на листе.
А та, что в пустоте, —
Уж полчаса, как истекает кровью.

Речка. Поцелуй

Рука дающего легка,
Несуетлива, недрожаща,
Как заплутавшая река
Из будущего в настоящем.

Пей — и напьёшься. Не кружись
Вокруг неё, прося глоточек.
Ешь —
И наешься на всю жизнь
В один поклон, в один разочек.

Дымок нежгучего костра
Вместит дыхание второе.
И льющиеся, как ветра,
Одежды детского покроя.

Надежда и нательный крест
Всё видят
(глупо притворяться):
Мне надо пить. Мне надо есть.
Мне нужно как-то приподняться.

И ощутить и плоть, и стать.
И, кое-как держась за печку,
Отчаянно поцеловать
Далёкую, как небо, речку.

ДВЕРЦА

Странное дело.
Как будто рука на затворе.
Маленький дождик в глазах
(или это не дождь?).
Выстрелить в небо?
Иль в море?
А лучше бы в горе.
Только в него,
Как ни целишься, не попадёшь.

Странное дело.
Прошла и хандра, и усталость.
Лишь улыбаться б ещё научиться скорей.
Глядь-погляди,
А уже ничего не осталось,
Кроме
Иконы, стихов и Самары моей.

Не раздражают
Вороны, пижоны, законы.
И ничего не предвидится в жизни моей,
Кроме
Стихов и Самары, и старой иконы,
И той единственной дверцы,
Что скрыта под ней.

СВЕТЛО

К чему я выдумывал
Белые, длинные песни?
Их лучше меня
Сочинит и озвучит зима.
Когда на промёрзших дверях
Заржавевшие петли
Уже не сработают,
Вход перекрыв в терема.

БОЛЬШАЯ МЕТЕЛЬ

Пробежит удивлённо в полнеба,
Заглянет в карман мой,
А в нём — только дырку зашить.
И щедро насыплет в него
Синеватого снега.
И будет со снегом в кармане
Мне весело жить.

Светло на душе,
Будто некая злобная птица
Уже отлетела
В чужие края до поры.
Светло на душе,
И она
Ничего не боится:
Ни снега,
Ни дырки в кармане,
Ни Чёрной дыры.

Когда-нибудь

Весь этот лёд
Из дождевой воды —
Замёрзший дождь,
Дождь смолкший,
Дождь молчащий.
Как детский голос,
Впаянный во льды,
Придуманный,
Но всё же настоящий.
Как он по кровле весело стучал,
Как он стекал по стокам говорливо.
Всю ночь звенел,
А утром замолчал.
И было утро
Тихо и тоскливо.
В белёсый мох оделись провода,
Махало небо тёмными платками.
Лишь детский голос, сделанный из льда,
Звенел и рассыпался под ногами.
Круговращенья жизненного суть
Неоспорима в полдень или в полночь.
Когда-нибудь, мой друг,
Когда-нибудь
Ты различишь,
Ты вступишься.
Ты вспомнишь.

Спящие

Мы будем жить на побережье.

— На берегу?

— На побережье.

Там больше сосен, больше эха,

И там туристы ходят реже.

Там есть избушка.

— Дом?

— Избушка.

Она не то чтобы красива.

Она, как добрая старушка,

Подслеповата и болтлива.

Скрипит себе

Зимой и летом,

Вдыхая, нежа, укоряя.

И там на чердаке есть флейта,

И я тебе на ней сыграю.

Века состарятся, как дети

Кровавых слёз, мольбы и пота.

— Нас не найдут?

— Нас не заметят.

Нас не увидят с самолёта.

ИЛЮШКЕ

Мой сын — такой матёрый грузчик,
Что крепче только сталь и жель.
Он может взять меня на ручки
Со стулом вместе
И унести.

И осторожно, мне на диво,
Ввалиться в кухню,
Как в Париж,
Сказать:
«Попей-ка, батька, пива,
А то всё пишешь да молчишь».

Теперь гляжу полусердито
Со стула,
Словно хан иль бек:
«То ль он неправильно воспитан,
То ль просто добрый человек».

Он ухмыляется печально,
Стеклянной тарою звеня.
И говорит:
«Да всё нормально...
Всё, батя, нормально у меня».

Калейдоскоп

Как ни крути калейдоскоп,
В нём не прибавится стекляшек
И царедворцев, и бродяжек,
Америк новых и Европ,

Цветов стеклянных и листвы,
И озероц цветной вуали.
В нём не прибавится любви
И не убавится печали.

Чей дом и сад? Чья жизнь и смерть?
Чьи позолоты-постирушки?
Но дивно всё-таки смотреть
На эти яркие веснушки.

На странный танец-перепляс,
Смешенье радости и боли,
Где никогда
Никто из нас
Уже не вырвется на волю.

Вот-вот взорвутся запад и восток...

Вот-вот взорвутся запад и восток,
вот-вот взовьются Этна и Везувий,
а всё не прилетает голубок
с оливковой веточкой во клюве.

Куда девали бедного его?
Аль мимо пролетел земного шара?
Аль сбили его пушки ПВО
(как некогда товарища Икара)?

Прислушиваясь к ветру и дождю,
всё безнадежней тонем в хищном быте.
И лишь во сне доносится:
— Летюуу...
Ужо летю, робятушки, не бдите...

СОДЕРЖАНИЕ

Предрождественское чаепитие в гостях.....	3
Бесконечно-снежное оптимистическое.....	4
Земеля.....	6
Запоздалое напутствие доченьке.....	7
Ласковое.....	8
Тяжесть. Ремейк.....	9
Весомое.....	10
Неравновесие.....	11
Восхищённое.....	12
Тише, тише... Фольклорное.....	13
Пиано. Белые клавиши.....	14
Былина, былинка... ..	15
Баллада о самой первой дороге.....	16
Крёстные.....	17
Прекрасная суть питья.....	18
Неумеха.....	19
Полное безобразие.....	20
Явление первое.....	21
Предвкушение.....	22
Вопрошающее.....	23
Утешительное.....	24
Умный мальчик.....	25
Я назову тебя Кузьмой.....	26
Шагомер.....	27
Баллада о богатырской фляжке.....	28
Сущность.....	30
«Глядим смущённо друг на друга...».....	32
«Есть что-то удивительно медвежье...».....	33
Угрюмый.....	34
Ей-Богу.....	35

До встречи на лугу	36
Белая баллада о первой снежинке	38
Дерево любит.....	40
Песнь травы.....	41
На станции А.....	42
Завтра	44
Видения на холсте.....	45
Посёлок	46
Простодушие	47
Памяти поэта Кости Рассадина	48
Вы помните Ваню?	49
Северная сказка.....	50
Что есть роза?	51
Романтика склероза	52
Ничего, мой свет.....	54
Неторопливое	55
Кругосветка.....	56
На сожжение старой географической карты.....	57
Пророки	58
Первая ступенька.....	59
Песнь Луны	60
Образ	61
Ворон	62
Родственное. Зимнее.....	63
Книга Джунглей.....	64
Зимняя история в частном домике	65
Мольба	66
Девятнадцатый	67
«Беспечность звёздного наитья...»	68
Рукопись	69
В кольце.....	70
Начало	72
Накануне	74
Мысли на ступеньках.....	76

Старая инструкция	77
Страшилка	78
Блёстки лета	79
Серебро	80
Двери	81
В ночь после убийства	82
Из гостей	83
Вернётся... ..	84
Порядочек	85
Скворечник	86
Мы	87
Голубь приграничный	88
Невесомое	89
Фотосессия.....	90
И в дальний путь на долгие года... ..	91
«Не ешь меня, зверь...»	92
Не спится.....	93
Балаганчик	94
Необязательное	96
Картонный лист.....	97
Сказка для внуков, которых нет.....	98
Чаепитие в Самаре	99
Не сразу, конечно.....	100
Per aspera.....	101
Так, так, так... ..	102
Мальчик	103
«Вместо хлебной луны...».....	104
Ленточки.....	105
Строчка	106
Лучшая песенка.....	107
Философ.....	108
А может... ..	110
Над озером.....	111
Огоньки.....	112

В отсутствие снегирей.....	113
О серости.....	114
Завтра	115
На дорожку	116
Шлагбаум.....	117
Далеко-далёко.....	118
Не пейте вино... ..	119
Герои	120
Рождественская утопия	121
Чужие стихи.....	122
Что бы я.....	123
Метель.....	124
Струнный квартет.....	125
В той степи глухой... ..	126
Городские виденья.....	127
На молодёжном поэтическом фестивале	128
Вещмешок.....	129
Прощальное.....	130
Запамятовал.....	131
Трава, залитая дождём	132
Искры.....	134
Как мог... ..	135
Разговорчики.....	136
Заглянуть... ..	137
Шаги	138
Помыть окно и погрузить	139
Просто. Зарисовка	140
Свеча. Другое	141
Оставь мне	142
Печаль дворянских гнёзд.....	143
Крестик.....	144
Часть	145
Речка. Поцелуй.....	146
Дверца	147

Светло	148
Большая метель	149
Когда-нибудь	150
Спящие	151
Илюшке	152
Калейдоскоп	153
Вот-вот взорвутся запад и восток.....	154

*Книга издана за счёт средств бюджета
Самарской области*

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Министерство культуры Самарской области
и Самарскую областную универсальную
научную библиотеку

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Литературно-художественное издание

Евгений Петрович Чепурных

АРИТМИЯ

Стихи

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 09.09.2021. Формат издания 70х100/₃₂.
Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Warnock Pro. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru